

СЕРДЦА ЧАСТИЦА

«В разных краях оставляем мы сердца частицу».

ОТДАТЬ носовой! — канат шлепнулся на палубу, и между пристанью и теплоходом появилась узкая полоска воды. Я поплыл на свою врачебную практику в незнакомый городок Подпорожье на Свири.

Позади 29-й билет по хирургии, тревоги и сомнения сессии, июньский дождь; впереди — первая практика, новые места, незнакомые люди. Теплоход медленно поплыл навстречу Ладожскому озеру и первым пациентам.

Двое суток пути, и я сошел на желанный берег.

На автобусной остановке соседка по очереди спросила: «Вы в больницу?» — Да, на практику.

— Если бы вы знали, что у нас здесь произошло неделю назад! Юрий Иванович Седлецкий — вы его знаете? Дай бог ему здоровья — семерых спас! Весь город в тот вечер собрался под окнами операционной.

А через три часа в больнице я узнал следующее. После окончания клинической ординатуры на кафедре факультетской хирургии в Подпорожье на два месяца был послан Ю. И. Седлецкий. В тот день (была суббота) Седлецкий остался один. Когда его вызвали в приемный покой, пол был красный от хлещущей крови. Даже привыкший ко всему персонал приемного покоя растерялся: семь человек с ножевыми ранениями грудной клетки, живота, печени... Мгновенно развернули операционную. Звонки в Лодейное Поле. И машина с хирургом Мининим (наш выпускник) на бешеной скорости рванулась в Подпорожье. Седлецкий начал оперировать. Скорее, скорее. Через 40 минут в операционную ворвался Минин. Работа пошла быстрее. Последний шов. Вымыли руки. Сели, помолчали, закурили. Часы били семь утра.

Таким было первое впечатление от больницы, в которую мы приехали на практику. Семь «однополых», как значилось в списке деканата, начали свои «врачебные» будни. Двое — на терапии, двое — на акушерстве, трое — на хирургии. Вечерами сверх программы ездили на вызовы по скорой помощи. Сидим, ждем. Звонки. Отравление. Машина ревет и мчится в тучу, которая распласталась над Подпорожьем. Но вот и дом. Два брата лежат без движения.

ДВА МЕСЯЦА В БУДУЩЕМ

РАЗГОВОР О ПРАКТИКЕ

Младший бледен. Холодный пот, какой-то вязкий и липкий. Бабушка крестится: «Милые, помогите!»

— Что пили, молоко? Рвота была?

Пищевое отравление. Будем промывать. Лезем в сумку, зонда нет. Давайте так. И вот братья пьют воду. Младший уже выпил полведра. Дима уговаривает старшего. Наконец-то у обоих братьев промывные воды чистые. Можно ехать спокойно. Даже не верится, что прошло два часа.

Вернулись в приемный покой. Опять отравление. Опять уговариваем ребят как можно больше пить. Пьют.

Выходим из дома, а внизу, в котловане, точками огней встречает зарю ГЭС. Четкие силуэты домов врезаются в алый фон востока. Мы ничего не говорим, улыбаемся друг другу, на душе приятно.

Так и жили. Утром, после завтрака, врачебная конференция; затем обход своих палат; потом истории болезни. Затем каждый занимался чем хотел. «Хирурги» ловили аппендициты; терапевты писали эпискризы; акушеры стерегли роды или работали в женской консультации.

Приезды нашего инспектора Л. К. Вайсман были праздниками. Ее интересные разборы больных, яркие занятия и дружеское, товарищеское отношение к нам — все это было очень приятно.

Сегодня моя ассистенция. Обычный аппендицит. Я не волнуюсь. Оперирует заведующая отделением Л. А. Барвенко (наша выпускница).

Начали. Разрез. Все как и должно быть. Но что это? Все спайно. Пытаемся хоть как-то выделить отросток. С трудом находим его основание. Операция идет уже три часа. От напряжения пот застилает глаза. Наконец выделяем гангренозный перфорированный отросток. Погружаем культю. Затягиваем кистет. Ткани прорезываются, рвутся. Опять затягиваем шов, опять все рвется... Я посмотрел на часы. Стрелка прыгала около шести. Мы оперировали пять часов. Вот тебе и аппендицит!

Вышел из отделения, сел на скамейку в саду и с трудом удерживал дрожь рук. В голове не было ни одной мысли, только чудовищная усталость. Радость? Наверно, потом. Тогда было одно — усталость.

Терапия проходила под флагом чистописания. Около сорока минут каждый тратил на обход, 140 — на истории болезни. У меня в палате сплошь больные с гипертонией, исключение — Таня.

Тане 16 лет. Диагноз, — увя, хронический нефрит. Гипертоническая фаза. Артериальное давление 180/90. Отеки. Белок в моче.

Я пытаюсь успокоить девочку, говорю: будет лучше, но на душе противно. Проба Зимницкого, во всех порциях удельный вес 1005, гипозостенурия. Таня четыре месяца лежит в клиниках — и никакого сдвига. Доктор Исаева В. А. (тоже наша выпускница) пересмотрела массу литературы, но пока наше лечение безрезультатно. Решили опять попробовать преднизолон. Через три недели мы добились компенсации.

Таня пришла перед выпиской. «Спасибо, доктор!»

Доктор ли — это вопрос, но благодарные глаза были наградой.

В разных местах оставляем мы сердца частицу. Я оставил в Подпорожье многое: благодарные глаза больных, неверие в свои силы, первые робкие шаги, а главное, частицу своего сердца, ту частицу, которой я начал свой путь в практическую медицину.

В. ЗАГРЕБА,
студент V курса

Патофизиология — это очень важно.

Только разобравшись в сложном комплексе реакций организма, изменений болезни, может врач прийти к истокам страдания и преградить ему путь.

Недаром так внимательны на практическом занятии студентки III курса Н. Синцова и И. Цаф.

Настала пора доставать из укромных местечек дневники летней практики. И хотя эти тетрадки не очень толстые, вес их большой: между анализами, назначениями, эпискризами уместились воспоминания. Их много: столько, сколько нового и интересного мы увидели и пережили этим летом. Большинство четверокурсников, приехавших в Калининград, никогда его не видели и были поражены его своеобразием. Город хищных фортов и сентиментальных немецких домиков под черепицей, город развалин и тайн, город мрачных красных стен и необозримо зеленых садов. В центре на месте разрушенных кварталов растет новый город.

Операция без ножа

У операционного стола молодой военврач Дима и я. Идет операция аппендэктомии, третья подряд. С каждой новой мое участие возрастает. Остается взять в руки скальпель, но Дима не дает. Он сам хочет оперировать и делает четвертую, последнюю. Он уже не помогает мне — ход операции ясен до мелочей. Теперь я уже не сомневаюсь, что смогу сделать ее без подсказки. Обида проходит, появляется удовлетворение. Теперь можно работать без страха. Так было и с другими. Так из нас делают хирургов.

Первая репетиция

Практика окончена. Дневники подписаны. Остается подвести итоги. Два месяца — срок немалый, но в то же время бесконечно недостаточный, чтобы стать врачом. Это была первая репетиция, на ней нам дали понятие о роли, которую нужно играть. Теперь надо учить ее снова и снова, чтобы выйти на сцену врачебной деятельности подготовленными и уверенными в себе.

Ю. УШАКОВ,
студент V курса

НАМ ДОВЕРЯЮТ ЛЮДИ

Когда вам дают палату

Очевидно, выражу мнение всех, если принесу благодарность тем, кто решил послать студентов на врачебную практику. После окончания института нас ждет то же. Бесконечное разнообразие деятельности, замечательное отношение к нам как к врачам, а не к студентам наполнило душу неизведанными ощущениями. Вам предлагают вести целую палату — шесть человек, шесть больных, жаждущих выздоровления. Вам доверяют — как же тут не подтянуться! Если бы исход болезни зависел от энтузиазма молодого доктора, то при его появлении в палате все мгновенно выздоравливали бы. Но чуда не было. Была работа, полная трудностей и неудач, к которым мы не привыкли.

У вас язва? Уверю вас, от волнения! Бром, викалин. Что? Нет в

Когда вам дают палату

У вас язва? Уверю вас, от волнения! Бром, викалин. Что? Нет в

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Пульс

Орган парткома, ректората, комитета ВЛКСМ, профкома и месткома 1-го Ленинградского медицинского института имени акад. И. П. Павлова

№ 26 (1150) Понедельник, 14 сентября 1964 г. Год издания 36-й Цена 1 коп.

Радость
первых
шагов

ПЕТРОКРЕПОСТЬ, иначе Шлиссельбург. Добраться туда можно тремя способами: автобус, поезд, «Ракета». Время в пути и стоимость проезда одинаковы, однако тем, кто хочет посмотреть Неву от начала до конца, вернее от конца до начала, советую выбрать «Ракету».

В начале июня мы так и сделали: у площади Декабристов сели на корабль с подводными крыльями, с тем чтобы через полтора часа оказаться в городе, где в течение почти двух месяцев нам предстояло пробовать себя в качестве врачей. Мы — это Виталик Родин, Юра Мазеев и я. нас трое, и мы «узнки Шлиссельбурга».

У Шлиссельбургской пристани нас приветствовал бронзовый Петр Антокольского, а еще через пять минут — главврач больницы Л. В. Базылина. Разговор с Любовью Васильевной был краток.

— Ребята, для больных вы врачи. Для врачей вы тоже врачи. Остальное зависит от вас.

Мы сказали: — Хорошо, — хотя почувствовали себя довольно скверно. Мало назваться врачом и надеть белый халат — надо быть врачом в действительности, и вот именно это и зависело от нас. А ну как не сумеем? Было над чем призадуматься, да не было на это времени.

После конференции мы разошлись по отделениям: Виталик — на хирургию, Юра — в родильное, мне досталось начинать с терапии.

У МЕНЯ была чудесная больная — Шварнева, женщина 70 или 80 лет (уточнить она не смогла) с гипертоническим кризом. С самого начала я понял благодаря ей, что терапевтическое отделение — это вовсе не богадельня и не пристанище для престарелых хроников, как приходилось иногда слышать, и во многих случаях хирургия может позавидовать радикальности терапевтического лечения. Вот пример (привести их можно много): через три дня лечения в терапии больная вспомнила, что ей 74 года, стала самостоятельно и много говорить, шутить, смеяться, а еще через три дня, едва я входил в палату, встречала меня вопросом: «Доктор, когда домой?» Домой я ее отпустил через две недели.

А благодарность! Она называ-

ла меня не иначе как «мой спаситель». Первое время я напряженно вслушивался в интонацию: искал иронию. Потом перестал: ее не было.

Благодарность этой больной принимала и иные формы, которые сначала ставили меня в тупик. Почувствовав себя лучше и получив разрешение ходить, она заходила в ординаторскую, когда я был один, или ловила меня в коридоре и совала в карманы халата то апельсин, то конфеты. Сначала я отвергал эти дары, хотя это и стоило мне усилий (питались мы три больницы исключительно кашей). Но когда она однажды из-за этого расплакалась и давление у нее прыгнуло за 200, я решил, что лучше ее не волновать, что, принимая апельсин и варенье (идущие от чистого сердца), я буду способствовать ее скорейшему выздоровлению.

НА ПРИЕМАХ в консультации нам сначала пришлось столкнуться с некоторым недоверием. Одна больная даже заявила, что не будет ходить в консультацию, пока там будем мы, но когда ей сказали, что будем мы там два месяца, она все-таки пришла.

Туман недоверия рассеялся моментально, стоило нам прочесть лекцию «О вреде аборта». Зал клуба был переполнен, и не было недостатка в вопросах.

Другие темы («Гипертоническая болезнь», «Что нужно знать о раке») пользовались меньшей популярностью, но мы к ним относились не менее серьезно. Особенно Виталик. Я думаю, что мы с Юрой Мазеевым, да и все, кто слушал его лекцию «Что нужно знать о раке», надолго ее запомнят. Он прочитал ее великолепно!

(Окончание на 2-й стр.)

